

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Александр
Гельман

Наедине
со всеми

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Александр Гельман

Наедине со всеми

«ФТМ»

1983

Гельман А. И.

Наедине со всеми / А. И. Гельман — «ФТМ»,
1983 — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

Наталья и Андрей Голубевы женаты уже больше двадцати лет. Из-за несчастного случая их сын попал в больницу и ему ампутировали руки. За день до его выписки из больницы Наталья узнает, что в случившемся виноват Андрей. Их сын проходил практику на стройке у отца, была сдача квартала, недостача и Андрей сказал отправить бригаду на опасный участок, где в итоге случилась авария. И в этой бригаде оказался его сын. Наталья стала выгонять Андрея из дома, однако во время скандала посыпались взаимные претензии и оказалось, что не только Андрей виноват в распаде семьи.

© Гельман А. И., 1983

© ФТМ, 1983

Содержание

Действующие лица	5
Акт первый	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Гельман
Наедине со всеми
Пьеса в двух частях

Действующие лица

Андрей Голубев.

Натasha Голубева, его жена.

Акт первый

Действие начинается с протяжного, нетерпеливого звонка в квартиру Голубевых. У Голубевых трехкомнатная квартира, однако на сцене мы видим только одну спальню. В спальне темно, сейчас около одиннадцати вечера. На звонок никто не спешит. Еще раздаются звонки – короткие, длинные, игривые, сердитые. Никто не отзывается. Слышно, как ключом открывают замок.

Голос Андрея (из прихожей, подчеркнуто нежно). Наташенька!

Молчание.

Наталья, ты где – ты дома, Наталья?

Никто не отвечает. Входит Андрей – коренастый, невысокого роста, ему сорок семь лет. Несмотря на полноту и некоторую рыхлость тела, он молодцеват, подтянут, на нем элегантный растянутый плащ, в руке шляпа. Включает свет – в спальне нет никого. Обеспокоенный, быстро выходит – посмотреть в других комнатах. Никого не обнаружив в квартире, Андрей возвращается. Теперь он осматривает спальню более внимательно. В спальне полный кавардак: посередине комнаты, явно не на своем месте, стоит низкое широкое кресло; на полу валяются вешалки: журнальный столик, уставленный грязными чашками, наполовину задвинут под большой стол; вещи, в основном женские, раскиданы где попало.

Андрей (про себя, мрачно). Фу, черт... (Бросает на тахту шляпу, плащ, подходит к телефону. Из кармана пиджака достает крошечный блокнотик, находит нужный номер. Поднимает трубку – сигнала нет. Постучал по рычагу, потрянул аппарат – оказывается, телефон отключен. Поднимает с пола вилку, втыкает в телефонную розетку. Снова поднимает трубку, садится на стул, набирает номер.) Это больница? Алло! Это хирургическое отделение? Беспокоит отец Алеша Голубева, третья палата. О, добрый вечер, я вас не узнал. Да, завтра забираем Алешу. Сколько он пролежал? Сейчас скажу... тридцатого июня случилось... месяц и три дня. А я ищу свою супругу – жену потерял, – она сейчас не у Алеша? А не могла она так пройти, чтоб вы не заметили, а то ведь она у меня девушка юркая? Не могла? Все-таки я вас попрошу, спросите у Алеша, была ли у него сегодня мама? Спасибо. (Ждет.) Да-да! Уснул? (Смотрит на часы.) Нет-нет, будить не надо. Извините за беспокойство. (Кладет трубку. Тут же по памяти набирает другой номер. Сухо). Привет, Вадим. Это Голубев. Я час назад был на твоём участке – балку так ни хрена и не смонтировали, а ты обещал. Ладно, не оправдывайся. Меня завтра в первой половине не будет, я приеду к двум – вот прошу, чтобы к этому времени балка стояла на месте. Это во-первых. А во-вторых, скажи, пожалуйста, моя жена не у вас? И не было? Спроси-ка Ольгу, она не в курсе, где может быть Наташа. (Ждет.) Здравствуй, Оля. Да нет её дома. Ну, нет её дома... Когда она звонила? Не знаю, значит, она не из дома звонила... А что ты так грубо со мной разговариваешь? Вадим, что ли, пожаловался – житья не даю! Так я и себе не даю – сейчас, что он, не понимает? Что – не в этом? А в чем? Да брось ты, я же чувствую, что в этом! Алло! Алло! Фу, черт! (Бросает трубку.) Фу, черт!! (Сидит мрачный, насупленный, злой. Но вдруг поднимается и левым плечом делает какое-то странное, резкое движение, как бы стряхивая, сбрасывая что-то со спины. Повторяет несколько раз – и почти сразу успокаивается. Будто вправил вывих. Тяжесть, тревога с лица сходят, и уже в другом настроении – ловко, энергично – снимает с себя пиджак, вешает на спинку стула, снимает галстук, снимает рубашку, аккуратно набрасывает её поверх пиджака. Оставшись в майке, снова поднимает трубку. Добродушно, вальяжно.) Диспетчерская? А это Голубев. Как цемент – разгружаем, не разгружаем? (Поднимает телефонный аппарат, и вместе с аппаратом направляется к двери.) А бетончик дали на третью насосную? Ну я же просил. Ну, братцы, так нельзя – я

что, должен на лбу у вас высекать свои просьбы или как? Немедленно пошлите туда бетон. И запиши, пожалуйста, в журнал: завтра, в первой половине, меня не будет, поеду за сыном в больницу. Машину за мной прислать не к восьми, как обычно, а к десяти утра. (*Уходит.*)

*Телефонный инур очень длинный – он долго разматывается, разматывается, пока наконец не вытягивается в струну. Слышно, как в ванной начинает литься вода. И тут вдруг резким ударом изнутри распахиваются дверцы вместительного встроенного шкафа. Из шкафа – мрачная, непричесанная, худющая, в длинном, до пола, халате – вылезает жена Андрея **Наташа**. Ей сорок два года. Взгляд у нее исступленный, мутный, дыхание прерывистое, нервное. Пошатываясь, она направляется к креслу и злое усаживается, подобрав под себя ноги. Ее знобит, она вжимается в спинку кресла. В ванной перестает литься вода.*

Андрей (*входит до пояса голый, он помылся, вытирает шею полотенцем. Замечает в кресле Наташу.*) О!

От звука его голоса Наташа вздрагивает.

Где ты была?

Наташа прячет лицо.

Наталья, откуда ты взялась?

Наташа молчит.

(Замечает раскрытые дверцы встроенного шкафа. Настораживается.) Тю-тю-тю-тю... Ты что... ты что, сидела в шкафу?

Наташа молчит.

Наташа?

Наташа приподнимает голову – кажется, сейчас она скажет что-то злое, яростное, но вдруг расслабляется, роняет голову.

(Грустно.) Опять выпила? Выпила, я спрашиваю? Ну что же ты делаешь – нам завтра Алешу забирать из больницы. Сколько выпила, много? Ну, сколько рюмок?

Наташа втягивает голову в плечи – острыми, худыми плечами она как бы старается заткнуть уши, чтобы не слышать голос Андрея.

(Горько.) Ну ладно – выпила и выпила. Ничего страшного. Раньше я выпивал один, теперь будем выпивать вдвоем. А там, глядишь, и Алеша присоединится! Прекрасно! Только в следующий раз в шкаф не забирайся. Ты что там делала, спала, что ли? Плакала? *(Пожимает плечами.)* Кто же теперь за баранку сядет, когда будем из гостей возвращаться, а? Алеша теперь не помощник, ты пьешь. Придется ездить в гости на общественном транспорте! А машину вообще загоним, зачем нам сейчас машина? Душ включить? Включить душ, я спрашиваю, – чтоб ты маленько пришла в себя? *(Тормошит ее за плечо.)* Наташа?

Наташа (*пронзительно вскрикивает*). Не надо!

Андрей (*отпрянув*). Что не надо? Душ не надо или меня не надо? Что не надо?

Наташа сгибается, скрючивается, сжимается и в такой позе застывает – лица не видно.

(Глядя ей в спину.) Ой, Наталья, Наталья, – с тобой хорошо, когда все хорошо. А беда пришла – сразу раскисла. Я не знаю, что с тобой делать? Не убрала ни черта. Когда ж ты уберешься? Нельзя же Алешу привозить в этот... Каждый день тебе внушаю, внушаю... Хватит, хватит – месяц уже прошел!.. Хватит убиваться, хватит пить, этим Алеше не поможешь! Слезами обратно руки не приклеишь. Все, нету у нашего Алешки рук. Что делать?.. С этим теперь надо жить, работать. И думать о будущем. Из трагедии не надо делать трагедию – она уже и так есть, уже поселилась в нашем доме! Наоборот, надо как-то... *(Разводит руками.)* Сегодня звонили из Алешкиного института. Интересовались. Я сказал, будем переводить на заочное отделение. Ты решила, какую комнату мы выделим Алеше? Сама же кричала, что ему нельзя оставаться в своей комнате? А гитару почему не унесла? Мы же договорились: подарить или вообще выбросить. Я считаю, Алеше надо эту комнату. Ты согласна?

Наташа не отзывается.

Тут ему будет просторно. Балкон. Много света. Телевизор сюда поставим. Ты слышишь, что я говорю? Ты вот увлекаешься... а я сегодня, между прочим, провернул очень хорошее дело для Алеши. Вдруг мне стукнуло. *(Ткнул пальцем себе в лоб.)* Город-то большой, значит, наверняка должны быть люди в таком же положении, как Алеша. Послал своего главного механика в горсобес – точно! Три человека обнаружилось. *(Садится на низкий стульчик.)* Механик выписал адреса и пошел к ним. Один парень еще молодой, тридцать два года, закончил университет в Киеве, истфак, живет с мамой. А два товарища – в годах, инвалиды войны. У них семьи, дети, внуки. Так что все нормально, живут люди! Алешка оклемается маленько, надо будет его с этими товарищами познакомить – для взбодрения духа. А пока механик – по моей просьбе – перечертил у них кое-какие приспособления. Например, ножной переключатель телепрограмм. Чтобы не рукой, а ногой. Ногой нажал *(показывает)*, и все. Теперь будем добывать кнопочный телефон – механик рассказал: у одного такой аппарат стоит дома, очень удобно. Можно взять карандаш, или палочку в зубы – тык-тык, тык-тык *(показывает как)*, и номер набран. А трубка вмонтирована в такой вертикальный кронштейн – ухо приложил...

Наташа *(вскрикивает)*. Дьявол! Заткнись!

Андрей. Что? *(Оскорбленный, встает со стульчика.)* Кто дьявол? Я дьявол? Ну, спасибочки, Наташенька. Слово какое-то старинное выкопала. Ты даешь! Себя не видишь. *(Переходит в наступление.)* Зачем ты телефон выключила? Я тебе целый день звонил, как дурак! Хотел предупредить, что задерживаюсь! На стройке у меня завал! Три объекта надо спихнуть до первого. Даже не поинтересуешься, как у меня, что... Нашла дьявола. *(Со злостью выдвигает ногой из-под большого стола журнальный столик с чашками.)* С кем ты пила? Кто был? Кто-то приходил?

Наташа не отвечает.

(Сердито.) Какой тебе душ сделать – холодный или горячий? Я сделаю горячий. А потом ты холодным ошпарься! Понятно? Обязательно холодным потом ошпарься! Сразу придешь в себя. *(Прихватив плащ и шляпу, выходит.)*

Оставшись одна, Наташа вялым движением достает из кармана халата сигареты и зажигалку. Выпрямляется в кресле, закуривает. Лицо у нее сейчас жесткое, холодное, во взгляде недобрая, безгловая решимость.

Андрей *(возвращается уже в одних плавочках, босой. Бодро.)* Наталья, где мой халат? Он висел в ванной – ты не видела?

Наташа резко поворачивает к нему лицо, в глазах ненависть.

(Ему делается не по себе.) Халат мой где, не знаешь? Наталья? Ты что? Совсем очумела от коньяка? Убери глаза!

Наташа презрительно усмехается, но тут же глаза ее снова леденеют.

(Всматривается в ее лицо.) Слушай, Наталья, – ты выпила или ты не выпила? По моему, ты совершенно трезвая. *(Подходит ближе.)* Ну-ка, дыхни.

Наташа отодвигается в угол кресла.

Ну, дыхни, дыхни! *(Наклоняется к ней.)*

Наташа отворачивает лицо.

(Грубо.) Ну, дыхни же, елки-палки. *(Заходит с другой стороны.)* Дыхни, ну!

Наташа не выдержала, плюет ему в лицо. Один раз, потом еще раз, потом еще, еще, еще, еще, – задыхаясь, с яростью, с ненавистью.

(Ошеломленный.) Ты что? За что? *(Вытирает рукой лицо.)* Ты не пьяна, Наташа. Ты ни капли не выпила... что с тобой? Наташа, это же я... Ну что с тобой? Что ты там делала? *(Кивнул на шкаф.)* Как ты туда попала? Тебе что-то померещилось? Что тебе померещилось, Наташа? Фу, черт! Только этого не хватало! *(Берет телефонную книгу.)* Где телефон? Куда

девался телефон?! *(Вспоминает, что отнес телефонный аппарат в другую комнату.)* Фу, черт! *(Выбегает.)*

Наташа поднимается. Сделав еще две затяжки, она подходит к столу, гасит в пепельнице окурок – затем подходит к розетке и выдергивает телефонный шнур. Спиной она становится к стене, закрывая розетку.

Андрей *(влетает с телефонным аппаратом в руках.)* Включи телефон! Я уже дозволился до соседки в Днепропетровск, она побежала звать маму. Я хочу вызвать маму! Включи телефон!

Наташа не реагирует.

Включи немедленно телефон!

Наташа не двигается с места.

(Подходит к ней вплотную. По-хорошему.) Наташа, там мама. Она будет волноваться. Она будет ждать, что я перезвоню. Она старый, больной человек, Наташа. Я ей сейчас позвоню, она успеет на одиннадцатичасовой поезд и утром уже будет здесь. Мы сейчас не справимся без нее. Алеша беспомощный. А у меня сдача объектов, я не могу взять отпуск. Утром съездим, заберем Алешу, я часок побуду и помчусь. И в ближайшие две недели вообще, считай, меня нет... Сейчас очень ответственный момент. Просто очень. Ты даже не представляешь. А ты, извини... Поэтому нужна мама. Я прошу тебя, подумай об Алеше. Сейчас надо думать только об Алеше. Вбей себе в голову: Алеша, Алеша, Алеша. Наташа! Ну, Наташенька!

Наташа. Оденься.

Андрей. Что, Наташенька?

Наташа. Оденься!

Андрей. Зачем? Что надеть – брюки, что ли?

Наташа. Все надень.

Андрей. Зачем одеваться? Я что, голый не могу позвонить?

Наташа. Иначе я не включу телефон.

Андрей. Фу, черт! *(Ставит телефонный аппарат на пол.)* Ну, хорошо, хорошо! *(Выходит. Очень быстро возвращается – в брюках, майке, тапках.)*

Наташа. Ты оделся не до конца. Оденься до конца.

Андрей. Слушай, Наташа, там ждет мама. Ну дай позвонить. Я позвоню, потом сделаешь со мной, что захочешь – задушишь, зарежешь, утопишь в ванной! Наташа!

Наташа не отзывается.

Ну, что значит – одеться до конца! Шляпу, что ли, напялить?

Наташа. Я сказала: надо все надеть.

Андрей. Кому надо?

Наташа. Мне надо.

Андрей. Фу, черт! *(Снимает со спинки стула рубашку – надевает, галстук засовывает в карман брюк, снимает пиджак – надевает.)* Теперь можно? Гожусь?

Наташа. Нет. Плащ. Ботинки. Шляпу.

Андрей. Наташа, прекрати! Я прошу тебя, включи телефон!

Наташа. Я сказала.

Андрей. О, господи! *(Выходит.)*

Наташа тем временем устремляется к гардеробу, открывает дверь, в гардеробе стоит огромный дорожный чемодан, она его выволакивает оттуда и оттаскивает к двери. Поставив чемодан поперек двери, отходит снова к розетке.

Андрей *(входит в плаще, в шляпе, в ботинках – незашиурованных. Натывает на чемодан.)* Фу, черт!

Чемодан опрокидывается.

Зачем ты поставила? Баррикада, что ли? Ну-ка, включи немедленно телефон, я вызову «скорую помощь»! Тебе сделают укол – успокоишься!

Наташа. Я здорова, не волнуйся!

Андрей. Здоровые люди не сидят в шкафу, Наташа! И не заставляют мужей звонить по телефону в шляпах! И вообще, имей в виду: Алеша останется в больнице, пока не приедет моя мама. А ты с утра пойдешь со мной к врачу.

Наташа. Чемодан забирай... и уходи.

Андрей. Что?

Наташа. Там твои вещи. Твой халат. А здоровье мое пусть тебя не тревожит. Я никогда в жизни не была такой здоровой, как сейчас. Давай бери и иди.

Андрей. Кто у тебя был? Что тебе наболтали? Мы же утром нормально расстались: я тебя поцеловал, ты меня поцеловала – в чем же дело? Ты что-то узнала? Я вижу по твоей мордочке – ты что-то узнала. Что ты узнала? Какое преступление я совершил? Вспомни: сколько раз уже так было – ты что-то узнавала, устраивала скандал, развод, а потом оказывалось: и близко не ночевало! Ну, кто у тебя был? Я же по чашкам сразу понял – кто-то был. Что ты узнала?

Наташа. Что надо, то узнала.

Андрей. Я прошу сказать!

Наташа. А ты лучше не проси. Если я начну говорить, я тебя задушу! Я спряталась, чтоб тебя не задушить. Понятно?

Андрей. Пу-пу-пу-пу... Раз душить собралась – тогда понятно. Я уже догадываюсь. Другого ты ничего узнать не могла. Ты узнала, что в тот вечер, когда с Алешей случилось, я был у Никитиной. Это? Я спрашиваю, ты – это узнала?

Наташа молчит.

Какая же ты все-таки дура, а? Боже мой, боже мой, какая дура! Я был, был у Никитиной. У нее было новоселье. Там был ее муж. Там был ее сын. Были еще три человека – из нашего управления. А тебе я не сказал, потому что ты была в очень тяжелом состоянии... когда я приехал в больницу. Я не хотел, чтоб ты подумала бог знает что. Как ты сейчас подумала. Как ты всегда думаешь. Поэтому я сказал, что был в тресте у Щетинина. Если не веришь, можем сейчас позвонить Никитиной. Или ее мужу. Или поехать к ним. Если ты подозреваешь что-то! У тебя же нет ничего главней твоей ревности. С того света будешь меня ревновать. Тебя ничто не остановит. У тебя сын лежит в больнице, завтра забирать, а ты не нашла времени убраться – занята ревностью!..

Наташа (*перебивает*). Ты про сына молчи.

Андрей. А что так? Почему – молчи?

Наташа (*срывается на крик*). Ты про сына молчи... палач!

Андрей (*бледнеет*). Что? Ну-ка, повтори. Ну-ка, повтори!

Наташа. Палач!

Андрей. Только что я был дьявол, а теперь я уже палач? Ты вообще соображаешь, что ты говоришь?!

Наташа (*перебивает, с нарастающей силой*). Ты же знал... Ты же знал!..

Андрей. Что я знал? Что я знал?

Наташа. Ты же все знал! Ты же знал, что там высоковольтная линия! Что кран может задеть! Ты же знал, тебя же предупреждали... Тебе же звонил прораб и предупредил – там опасно!

Андрей (*перебивает*). Подожди...

Наташа. Почему ты послал туда людей?

Андрей. Подожди...

Наташа. Почему ты послал туда людей?!

Андрей. Ты что – меня обвиняешь? В том, что случилось с Алешей? Я-то думал...

Наташа. Что ты думал? Ты давно уже разучился думать! Ты живешь, как заведенный! Тебя Щетинин завел двадцать лет назад, и ты не можешь остановиться! Ты автомат, а не человек! Почему ты послал людей? Ты же знал, ты же знал, ты же знал! Почему ты послал людей – ты же знал?!

Андрей. Ну, Наташенька, ну, не надо... Я...

Наташа. У тебя нет никакого я! Почему ты послал? Ты погубил Алешу. Ты погубил Алешу! Ты же знал, ты же знал!

Андрей. Успокойся! Сядь! Я тебе сейчас все расскажу...

Наташа. Не надо ничего рассказывать. Надо было раньше рассказывать! Убирайся отсюда!

Андрей. Наташа!..

Наташа. Иди, я сказала! Иди! *(Толкает его к двери.)*

Андрей. Ну, Наташа! Ты выслушай! Так сложилась ситуация. Это же был конец квартала, понимаешь... а у меня не хватало двадцать тысяч к плану, понимаешь... чтоб закрыть квартал. Это же был последний день квартала, понимаешь, тридцатое число, тридцатое июня. Я поехал к директору комбината – ты же его знаешь... К Федору Федоровичу... И просил у него наперед двадцать тысяч, понимаешь?

Наташа молчит.

Я попросил у него двадцать тысяч. А он сказал: сделайте к утру дорогу, тогда подпишу. Вот эту самую дорогу, на которой случилось. К нему должен был утром приехать кто-то, понимаешь, и он не хотел, чтоб этот кто-то месил грязь, понимаешь? Но он тоже не виноват, он же не предполагал... просто поскольку я у него попросил наперед, он воспользовался и на меня нажал, понимаешь? Ну, я обещал. Я ж не мог предположить, никто не мог предположить. Там работы-то было на полсмены. Я дал команду начальнику участка: поставить кран, привезти плиты и сделать. И сам уехал в контору. Я ж не знал, я понятия не имел, какая там будет бригада... я дал команду начальнику участка, тот продублировал прорабу, прораб – мастеру, а мастер поставил бригаду... оказалась именно эта, где Алеша... Я даже не знал, где точно это место. Что там проходят провода, я же потом узнал. У меня же стройплощадка, слава богу, двести га! Просто все так совпало, такая судьба – ну что делать?

Наташа. Уходи...

Андрей. Ты что, глухая? Я же тебе объясняю: так совпало. Ты что, не знаешь, что в жизни бывают совпадения, случайности? Хочешь как лучше. Мне надо было найти эти двадцать тысяч, чтоб люди не остались без премии. Потому что люди не виноваты, а если они не заработают свое, они уйдут со стройки, а других я не найду. И тогда в следующем квартале я недодам уже не двадцать тысяч, а пятьдесят тысяч. Ты тоже хотела как лучше, когда настаивала, чтоб Алеша практику проходил у меня. Я был против, а ты настояла. Мне пришлось звонить в институт, просить. Если б ты не настояла, Алеша поехал бы на практику в другой город и вообще ничего бы не случилось. Но я же тебя не обвиняю. Что делать? Так вышло. Все невозможно рассчитать и предвидеть.

Наташа. Почему ты не отменил свое распоряжение, когда прораб позвонил? Он же тебе ясно сказал: по технике безопасности там не положено работать. Почему же ты не отменил? Почему? Некогда было сообразить, торопился на новоселье к Никитиной? Машина ждала?

Андрей. Не надо сюда примешивать ревность, Наташа. У меня никогда ничего не было с Никитиной.

Наташа. А мне плевать. Есть в жизни вещи пострашнее, чем переспать с кем-то. Я раньше думала, что это самое страшное, а теперь я знаю: самое страшное, это вы, наглые...

для которых нет ничего святого. Почему ты не отменил распоряжение? Тебя же предупредил человек – там опасно?

Андрей. А я не давал никакого распоряжения. Я просто сказал: если есть какая-нибудь возможность – сделайте. Если опасно – не надо.

Наташа. Ты не так сказал! Люди слышали, как ты сказал. У тебя в кабинете находились люди. Когда ты разговаривал по телефону. С прорабом! Ты сказал, я не могу вам приказать, но я вас очень, очень, очень прошу – надо сделать. От этой дороги, ты сказал, зависит благополучие всего управления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.